

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 31
ПОЛИГОН 18

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Полигон 18

<https://litres.ru/74263138>

SelfPub; 2026

Аннотация

Архивистка Варвара оцифровывает старые карты военных полигонов. Сотни квадратов — привычная рутина. Но среди них она случайно находит тот, которого быть не должно: тринадцатый квадрат с пометкой «Полигон 18. Закрыто. 1996».

В тот же день в её кабинет бесшумно входит незнакомец. Он не представляется. Он произносит только одно: «Эту карту не следует трогать». И исчезает.

Но Варвара уже не может остановиться. Она едет в заброшенный посёлок, находит дневник солдата, пропавшего тридцать лет назад, и понимает: на карте отмечен не просто полигон. Это место, где людей стирали вместе с документами. Кто-то следит за ней. Она — следующая.

Варваре предстоит узнать, что скрыто за бетонными стенами забытого бункера, и понять, кому можно верить — когда каждый шаг может стать последним.

«ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новое место действия, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ 1. ТРИНАДЦАТЫЙ КВАДРАТ	16
ГЛАВА 1	16
ГЛАВА 2	24
ГЛАВА 3	33
ГЛАВА 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Полигон 18

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Жара стояла такая, что воздух дрожал над степью, и каждое движение отдавалось липким потом на спине. Сергей стоял в строю, сжимая в руках автомат, который уже через час начинал казаться тяжелее собственного тела. Два года он служил в этих местах — в восьмидесяти километрах от Саратова, за колючей проволокой, среди бетонных блоков и ржавых ангаров. За два года он привык ко всему: к побудке в пять утра, к бесконечным марш-броскам по степи, к баланде, от которой сводило желудок, к запаху солярки и оружейной смазки, который въелся в кожу и одежду. Но к жаре привыкнуть было невозможно. Она высасывала силы, заставляла тело обмякать, а мысли путаться.

Пятнадцатое июля девяносто шестого. Сергей знал эту дату, потому что писал её на конвертах домой — матери в Воронеж. Он писал, что у него всё хорошо, что кормят нормально, что начальство не зверствует. Он врал. Мать не знала, что из их роты за последние полгода пропало трое солдат. Официально — дезертировали. Неофициально — никто не знал, что с ними случилось. Их просто не стало, и разговоры об этом быстро затухали, потому что спрашивать было не у кого, а те, кто спрашивал, быстро переставали задавать вопросы.

Сергей смотрел прямо перед собой, на затылок солдата,

стоящего впереди. Рядовой Кравцов, его друг с первого дня службы. Вместе ели, вместе спали в казарме на соседних койках, вместе проклинали армию и мечтали о дембеле. Кравцов был младше на два года, девятнадцатилетний пацан из Рязани, с вечно взлохмаченными светлыми волосами и дурацкой привычкой улыбаться, даже когда совсем не до смеха. Сергей всегда говорил ему: «Кончай улыбаться, дурак, жизнь не шутка». А Кравцов только отмахивался и снова улыбался, показывая щербатый зуб, который выбил в детстве, упав с велосипеда.

Сейчас Кравцов не улыбался. Он стоял, как все, вытянувшись в струну, и только маленькая капля пота ползла по его виску, оставляя влажный след на загорелой коже. Сергей хотел сказать ему что-то, какую-нибудь глупость, чтобы разрядить обстановку, но не мог. Голос застрял в горле, потому что он видел, как к ним идут — двое в белых халатах, которых он раньше никогда не видел.

На полигоне было тихо. Только стрекот кузнечиков, раскалённых солнцем до звона, и гул мух, роящихся над мусорными баками у столовой. Обычно здесь шумно — слышны команды офицеров, лязг гусениц, грохот стрельбы на дальних рубежах. Но сегодня — ватная тишина. Даже птицы замолкли, будто чувствуя что-то неладное. Или это просто показалось Сергею. Через тридцать лет он будет вспоминать этот момент и сомневаться: было ли это на самом деле или его сознание, подёрнутое дымкой, дорисовало страх там, где

его не было.

Офицер, который их построил, — подполковник Кравчук, пожилой, с седыми висками и вечно уставшими глазами, — стоял в стороне и смотрел в планшет. Он ничего не говорил. Просто смотрел, как двое в белом проходят вдоль строя, заглядывая каждому в лицо. Сергей слышал, как они переговариваются вполголоса, но слов было не разобрать. Ветер стих — воздух застыл, как перед грозой.

— Кравцов Сергей! — вдруг сказал один из белых, не повышая голоса. — Выходи из строя.

Сергей вздрогнул. Это была его фамилия. Его. Он сделал шаг вперёд, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Он оглянулся на Кравцова — тот стоял с каменным лицом, но в глазах была тревога. Сергей хотел что-то сказать, но не успел.

— Орлов Игорь! — назвали следующего.

Кравцов сглотнул. Он не шевелился.

— Кравцов Игорь! — повторили громче.

Он вышел из строя, поравнялся с Сергеем. Они встретились взглядами. Никто не улыбался. В глазах Кравцова был тот же вопрос: что происходит? Сергей пожал плечами. Он не знал.

Их повели к белой палатке, стоящей в стороне от основных построек. Палатка была новой, натянутой на алюминиевый каркас, с плотно закрытыми полами. Рядом стоял военный «Урал» с закрытым кузовом, из которого слышалось низкое гудение — работал генератор. Сергей заметил в кузо-

ве ящики с маркировкой, которую он раньше не видел. Красные буквы, непонятные цифры. Он не успел разглядеть — его подтолкнули в спину.

— Заходи.

Внутри палатки было прохладно, даже холодно, будто там работал кондиционер. Сергей сразу почувствовал запах — резкий, сладковатый, немного приторный. Запах лекарств и спирта. Он огляделся. Внутри стоял стол, покрытый белой скатертью, и несколько складных стульев. На столе — медицинские инструменты, какие-то пробирки, журналы с записями. У стола стоял мужчина в белом халате. Он был старше Сергея лет на двадцать, с короткой стрижкой и внимательными серыми глазами. Он не улыбнулся. Не сказал «здравствуйте». Просто посмотрел на них, потом перевёл взгляд на планшет.

— Кравцов Сергей и Кравцов Игорь, — произнёс он, глядя в планшет. — Двадцать лет и девятнадцать лет. Служите второй и первый год соответственно. Физически здоровы. Это так?

— Так точно, — ответил Сергей, стараясь держать голос ровным.

— Хорошо. Садитесь.

Они сели на стулья, которые стояли перед столом. Сергей почувствовал, что его ладони влажные. Он сжал их в кулаки, стараясь не показывать дрожи.

— Что происходит, товарищ врач? — спросил Кравцов.

Его голос дрогнул. — Нас переводят куда-то?

— Нет, — врач взглянул на него спокойно. — Никуда вас не переводят. Сейчас будет плановая вакцинация. Новый препарат от столбняка. Сделаем укол, и вы вернётесь в строй.

Сергей выдохнул. Внутри что-то расслабилось. Спазм в груди отпустил. Всё это время он готовился к чему-то плохому — к дисбату, к трибуналу, к тому, что его обвинят в чём-то, чего он не совершал. Но вакцинация — это нормально. Он слышал, что в армии ставят прививки регулярно. На войне, в степи, всякое бывает.

— Рукав закатай, — сказал врач Сергею.

Он закатал левый рукав. Врач взял шприц. Иглу он не показал, но Сергей почувствовал холод на коже. Потом укол. Сначала просто булавка входит в мышцу — ничего особенного. Потом что-то горячее начало растекаться по руке. Сначала неприятно, потом почти больно. Сергей дёрнулся.

— Сиди смирно, — сказал врач.

Он ввёл содержимое шприца до конца, потом достал иглу и прижал к месту укола вату. Сергей сжал зубы. Горячая волна поднималась выше, шла в плечо, потом к груди, к шее. Перед глазами начало всё плыть, будто он выпил литр водки после бессонной ночи. Он попытался встать, но ноги не слушались.

— Второго, — сказал врач кому-то сзади.

Сергей смотрел, как Кравцову делают то же самое. Видел, как друг хмурится, как сжимает кулак. А потом всё поплыло

окончательно — контуры размылись, звуки стали глухими, будто он погружался под воду. Он слышал голос врача: «Отведите в ангар». И кто-то подхватил его под руки, поволок прочь из палатки.

Сергей хотел спросить «куда», но язык не слушался. Хотел крикнуть «помогите», но из горла вырвался только хрип. Он видел, как Кравцова волокут за ним, как тот мотает головой, стараясь не потерять сознание. Они прошли через степь — Сергей чувствовал колючую траву сквозь сапоги, видел размытые силуэты ангаров, чувствовал запах пыли и выхлопных газов.

Потом дверь. Металлическая, со скрипом. Темнота. И наконец — бетонный пол под спиной.

Он очнулся от холода. Вокруг была белая комната. Потолок был низким, слышался гул вентиляции, который давил на уши. Сергей лежал на чём-то жёстком и холодном, похожем на металлическую койку без матраса. Он медленно сфокусировал зрение, повернул голову. Белые стены, белый потолок, дверь с круглой ручкой и маленьким стеклянным окошком. Единственным источником света была тусклая лампа на потолке, которая почему-то не нагревалась — она просто горела ровным холодным светом.

Он попытался сесть — голова закружилась. Тело было ватным, мышцы не слушались, будто он пробежал двадцать километров без отдыха. Он снова лёг, переводя дыхание. Сердце билось чаще, чем нужно, но он не мог понять —

страх это или действие препарата, который ему ввели. Наверное, и то, и другое.

Он огляделся. Рядом — ещё одна койка. На ней лежал Кравцов. Тот не двигался. Сергей хрипло позвал его: «Игорь! Эй!» Никакого ответа. Сердце сжалось. — Игорь, очнись! — сказал он громче.

Но Кравцов не шевелился. Сергей сполз с койки, с трудом удерживая равновесие. Ноги дрожали. Он добрался до соседней койки, тронул друга за плечо. Тело было тёплым, но мягким — как у спящего. Сергей перевернул друга на спину и увидел его глаза. Они были открыты. И пустые. Белые, мутные, как у рыбы.

Сергей отшатнулся. Ударился спиной о стену. Воздух обжёг лёгкие — холодный, с металлическим привкусом. Кравцов мёртв. Он просто умер. Укол, который они получили, не был вакциной. Что-то другое. Или слишком большая доза. Или то, чего не должно было быть.

Сергей не знал, что делать. Он оглядел комнату в поисках выхода. Дверь была заперта. Он дёрнул ручку — металл холодный, но неподатливый. За дверью кто-то стоял — он слышал шаги и голоса, но не различал слов. Он прижался ухом к щели. Голос был мужским, спокойным.

— ...третий готов. Утилизируйте первого.

Потом шаги. И глухой удар. Сергей отпрянул от двери, вжался в стену, прижимая руку к груди, где сердце колотилось так сильно, что казалось, могло остановиться в любой

момент. За дверью тишина. И снова шаги, но удаляющиеся.

Сергей перевёл дыхание. Голос сказал: «Утилизируйте первого». Он посмотрел на Кравцова и сглотнул. Они убили его. И собираются утилизировать. Он был первым. А Сергей — третий.

Он обернулся. В углу комнаты стоял металлический столик. На столике лежала белая карточка — медицинская, с печатью воинской части. Сергей взял её дрожащими руками. Там была дата: «15.07.1996». И подпись: «Полковник медицинской службы Савельев И.П.». И ещё одна строка, написанная карандашом: «Образец №7-18». Сергей не понял, что это значит. Но он запомнил это имя.

Он снова посмотрел на Кравцова. На его груди он заметил жетон. Медный, поцарапанный, почти стёртый. Он подошёл ближе. Обычный армейский жетон. Он взял его в руки и перевернул. С обратной стороны была гравировка: «12-96-КС». Двенадцать, девяносто шестой, и инициалы.

Сергей сжал жетон в ладони. Потом посмотрел на свои руки. И замер. На левом запястье, чуть выше сгиба, кто-то написал несмываемым маркером номер. «18-7». Аккуратным, почти каллиграфическим почерком. Он не знал, что это значит. Но он видел такие же номера на других солдатах. Он вспомнил — у рядового Егорова, который пропал две недели назад, на лбу был номер. «12-4». И у Щербакова, который исчез месяцем раньше, — «18-3». Он думал, это просто разметка для каких-то процедур. Но теперь он понял, что оши-

бался.

Сергей смотрел на свою руку и не мог дышать. Номер «18-7» означал что-то. Возможно, это была дата. Или порядковый номер. Он не знал, что это значит, но он чувствовал: это не случайность.

Он поднял голову и увидел табличку на стене. Металлическая, с чёткими буквами: «Полигон 18. Лаборатория №4». Четыре. Он посмотрел на Кравцова, на его жетон — «12». На свою руку — «18-7». Он понял, что эти цифры не случайны. Они были связаны. Каждый, кто проходил через эту лабораторию, получал номер. Кто-то становился «12», кто-то «4», кто-то «7». А он — «18-7». Два номера. Первый — место? Второй — порядковый номер? Он не знал.

И тут он услышал щелчок. Дверь открылась. Сергей обернулся, прижимаясь спиной к стене, готовясь к удару. Но никто не нападал. Дверь просто приоткрылась на пару сантиметров, и в проёме показалась чья-то тень.

Человек был в белом халате, но лица Сергей не видел. Только силуэт.

— Как тебя зовут? — спросил тихий голос.

— Кравцов Сергей, — ответил он.

— Ты теперь не Кравцов, — сказал голос. — Ты номер 18-7. Ты будешь жить здесь. Пока ты не умрёшь или пока мы не решим, что ты готов. Выхода нет. Еды нет. Воды нет. Только ты и твой номер. Запомни его.

Дверь закрылась. Щелчок замка. Тишина.

Сергей смотрел на дверь, не в силах произнести ни слова. Потом он перевёл взгляд на Кравцова, на его жетон. И на свою руку.

За дверью снова слышался звук. Шаги. И короткий, приглушённый крик. Кто-то ещё. Кто-то с другим номером. Сергей не знал, что будет дальше. Он знал только одно: он должен выжить. Ради Кравцова. Ради Егорова. Ради всех тех, кто уже получил свои номера.

Сергей зажмурился. Он почувствовал, как из глаз выступили слёзы. Он не плакал с детства. Но сейчас он плакал. Он не знал, где он. Он не знал, что случится завтра. Он знал только, что его друг мёртв, а он жив.

И что его номер — «18-7».

Дверь снова щёлкнула. Второй раз за минуту. Сергей открыл глаза и посмотрел на дверь. Она открылась полностью. За ней стоял человек. В белом халате. Тот же голос.

— Выходи, — сказал он.

Сергей не двинулся.

— Выходи, — повторил голос. — Ты не умрёшь. Ты нужен.

Сергей медленно встал. Тело дрожало. Он сделал шаг к двери. Потом ещё один. И ещё.

Сзади остался Кравцов. На койке. С открытыми глазами. С жетоном «12-96-КС» в руке Сергея, который он сжимал так сильно, что металл впивался в ладонь.

Он остановился в дверях. Человек в белом протянул ему

пробирку с мутной жидкостью.

— Выпей, — сказал он.

Сергей взял пробирку. Посмотрел на неё. Потом на человека.

— Что это?

— Узнаешь, — сказал человек. — Пей.

Сергей поднёс пробирку к губам. Жидкость была тёплой, почти горячей, с горьким привкусом. Он сделал глоток. Потом ещё. Горло обожгло, и он закашлялся.

Человек улыбнулся.

— Теперь ты навсегда мой, — сказал он. — Номер 18-7.

Сергей хотел ответить, но слова застряли в горле. Мир снова поплыл. Всё вокруг стало мутным, и он почувствовал, как ноги подкашиваются. Он медленно осел на пол, чувствуя, как бетонная плита касается его спины. Перед глазами расплывался белый силуэт человека, который склонялся над ним, проверяя пульс. Последнее, что он услышал перед тем, как сознание отключилось окончательно, был голос:

— Записывай. Номер 18-7. Начало эксперимента. Время — четырнадцать сорок две минуты. Препарат введён. Наблюдение — двадцать четыре часа.

А потом — только холод и тишина.

И снова дверь открылась.

ЧАСТЬ 1. ТРИНАДЦАТЫЙ КВАДРАТ

ГЛАВА 1

Архив городского управления Саратова располагался в старом здании на улице Московской, построенном ещё в конце девятнадцатого века. Когда-то здесь была купеческая усадьба, потом — коммунальная квартира, потом — библиотека, а в двухтысячных — архив. Варвара работала здесь пять лет и знала каждую трещину на штукатурке, каждый скрип половицы, каждую папку на стеллажах.

Она сидела в читальном зале, который когда-то был гостиной, с высокими потолками и лепниной, покрытой слоями краски. Сейчас здесь стояли металлические стеллажи, компьютерный стол и старый вентилятор, который гонял тёплый воздух по комнате, поднимая пыль с документов. Жара стояла с утра — тридцать четыре градуса в тени, безветренно, душно. Окна выходили на юг, и солнце заливало комнату до самого вечера, нагревая воздух до состояния парника. Варвара уже выпила три бутылки воды, но во рту всё равно пересыхало.

Задание она получила неделю назад — оцифровать ста-

рые топографические карты военных полигонов, которые хранились в архиве с начала девяностых. Сейчас, в июле две тысячи двадцать пятого, это казалось обычной бумажной работой: снять сканером, обработать, занести в базу, убрать в коробку. Ничего сложного. Варвара уже переделала двенадцать коробок, когда наткнулась на тринадцатую.

Она открыла картонную папку, перевязанную бечёвкой, и внутри нашла стопку карт, сложенных в разном порядке. Большинство было подписано аккуратно, разборчивым почерком: «Полигон №3», «Полигон №7», «Складские территории», «Зона отчуждения». Но одна карта лежала отдельно, подшитая не в том месте — между документами за девяносто пятый год, хотя на самой карте стояла дата: «1996». Варвара вытащила её и разложила на столе.

На карте была изображена территория полигона в восьмидесяти километрах от Саратова. Варвара знала этот район — ездила туда пару раз, когда работала над другими проектами. Степь, грунтовые дороги, заброшенные военные объекты. На карте были обозначены двенадцать квадратов с номерами от одного до двенадцати, каждый с пояснениями: «Склад горюче-смазочных материалов», «Казармы», «Учебный плац», «Стрельбище». Она пробежала глазами по знакомым обозначениям, собираясь убрать карту в коробку, но в углу заметила что-то необычное.

Тринадцатый квадрат.

Он был нарисован карандашом, тонкими линиями, почти

стёртыми от времени. Отличался от остальных — не ровный прямоугольник, а неровный многоугольник, будто его дорисовывали второпях. Внутри квадрата стояла подпись: «Полигон 18. Закрыто. 1996». Ниже — приписка каллиграфическим почерком: «Доступ запрещён. Посторонним вход воспрещён. Гриф: секретно».

Варвара нахмурилась. Она перебирала карты этого полигона три раза за последние пять лет, и никогда не видела тринадцатого квадрата. Она проверила реестр — ничего. Проверила опись папки — тоже ничего. Эта карта не значилась ни в одном документе. Она не должна была здесь лежать.

Она поднесла карту к свету, пытаясь рассмотреть детали. Координаты были указаны — широта и долгота, совпадающие с районом полигона. Но на современных картах этого участка просто не существовало. Вместо него — пустота, ровная степь, без каких-либо обозначений.

Варвара открыла ноутбук и вбила координаты в навигационную программу. Программа показала точку в степи, в паре километров от основной территории полигона. Спутниковый снимок был старым, с двухтысячного года, но она отчётливо видела странный прямоугольник на земле — фундамент какого-то здания, давно заброшенного, заросшего травой. Она увеличила изображение. В центре прямоугольника — тёмное пятно. Возможно, вход. Или провал.

Варвара взяла ручку и переписала координаты на листок бумаги. Потом занесла данные в базу, сохранив копию карты

в отдельную папку. Она не знала, зачем это делает. Просто чувствовала — эта карта не случайно попала к ней. Она лежала там, где её не должны были найти. Как будто ждала.

Внезапно она почувствовала, что в комнате что-то изменилось. Воздух стал плотнее. Или просто вентилятор перестал гонять пыль? Она подняла голову от карты. В проёме двери стоял мужчина.

Он был в тёмном костюме, несмотря на жару, и стоял неподвижно, как статуя. Варвара моргнула. Она не слышала, как он вошёл. Она не слышала скрипа половиц, который знала наизусть. Он просто появился. Смотрел на неё. На карту, которая лежала на столе.

Они молчали несколько секунд. Мужчина был среднего роста, лет пятидесяти, с короткой седой стрижкой и внимательными серыми глазами. Он не улыбнулся. Не кашлянул. Просто стоял.

— Вам помочь? — спросила Варвара, стараясь, чтобы голос звучал ровно. У неё внутри всё сжалось — она знала это чувство, оно приходило всегда, когда что-то шло не так.

Мужчина сделал шаг вперёд. Остановился в метре от стола. Посмотрел на карту.

— Эту карту не надо трогать, — сказал он. Голос был низким, без интонаций, как у диктора в старых учебных фильмах.

— Она в архиве, — ответила Варвара. — Я оцифровываю документы.

Мужчина покачал головой. Медленно, будто разговаривал с ребёнком.

— Не надо.

Он повернулся и вышел из комнаты так же тихо, как вошёл — без звука шагов, без скрипа половиц. Варвара проводила его взглядом, глядя, как он исчезает в полумраке коридора. Она не слышала, как открылась и закрылась входная дверь. Просто тишина и жара.

Она выдохнула. Руки дрожали. Она посмотрела на листок с координатами, который лежал рядом с картой. Она хотела разорвать его, выбросить, забыть. Но не смогла. Вместо этого она сложила листок в четыре раза и положила в карман джинсов.

У неё было диссоциативное расстройство. Она знала это, потому что врачи сказали ей об этом после аварии. Два ДТП, одно из которых унесло жизнь её матери, оставили глубокий след в психике. Иногда она теряла время — несколько часов, целые куски дня пропадали из памяти, словно их вырезали. Иногда она видела вещи, которых не было. Иногда она путала людей. Но сейчас она была уверена — она не выдумала этого мужчину. Он был здесь. Он говорил с ней. И он знал о карте.

Варвара снова посмотрела на карту. «Полигон 18. Закрыто. 1996». Она попыталась вспомнить, видела ли она это название раньше, но память молчала. Она проверила базу данных — пусто. Ни одного упоминания. Словно кто-то вычи-

стил все документы, касающиеся этой территории.

Она закрыла ноутбук и убрала карту в папку. Руки всё ещё дрожали, и она сжала их в кулаки, пытаясь унять дрожь. Лекарства от диссоциации она принимала утром, но сейчас чувствовала, как знакомое чувство отстранённости накатывает на неё — будто она наблюдает за собой со стороны, будто всё происходящее не с ней.

Она вышла из архива. Солнце ударило в глаза, и она зажмурилась. На улице было тихо — только звук проезжающих машин на Московской и гул кондиционеров в соседних зданиях. Она села в свою машину, старый «Форд Фокус» с потёртым сиденьем и треснутым лобовым стеклом, и посмотрела в зеркало заднего вида. Никого. Она перевела дыхание.

В кармане лежал листок с координатами. Она потрогала его через ткань джинсов. Она не знала, что будет делать дальше. Но она знала, что не сможет просто забыть об этом. Она должна была узнать, что такое «Полигон 18».

Она завела двигатель, выехала с парковки и направилась к дому. Всю дорогу она смотрела в зеркало, проверяя, не следит ли кто за ней. Машин было немного, и никто не ехал за ней слишком близко. Но чувство тревоги не отпускало её — оно сидело в груди, как заноза, которую нельзя вытащить.

Дома она выпила ещё воды, села на диван и разложила перед собой всё, что нашла о полигоне. Ничего. Ничего, кроме той карты и загадочного «Закрито. 1996». Она заварила

чай, но пить не стала — чай остыл, пока она сидела, глядя в стену. На стене висела фотография — мама. Женщина с тёмными волосами и тёплой улыбкой. Варвара не плакала, когда мама умерла. Она просто замкнулась в себе, а потом начались провалы в памяти.

Она взяла телефон и набрала координаты в навигатор. Маршрут до Приволжского — посёлок рядом с полигоном — занимал около часа. Она смотрела на экран, на синюю линию, которая вела к месту, отмеченному в навигаторе как неизвестная местность. На карте там ничего не было. Пустота.

Варвара взяла листок и перечитала координаты. Она решила: завтра поедет. Посмотрит сама. Узнает, что там было. Или есть.

В этот момент зазвонил телефон — домашний, стационарный, который висел на стене в прихожей. Он звонил редко — обычно по нему звонили только мошенники или ошибались номером. Варвара подошла, сняла трубку. В трубке — тишина. Потом дыхание. Кто-то дышал в трубку.

— Алло? — сказала она.

Тишина.

— Кто это?

Снова дыхание. И голос. Едва слышный, но отчётливый: — Ты ошиблась адресом. Полигон 18 не для тебя.

Трубку положили.

Варвара стояла в прихожей, прижимая трубку к уху. В

динамике гудели короткие гудки. Она медленно положила трубку на рычаг. Сердце колотилось. Она знала, что ей не показалось — голос был настоящим. Кто-то знал, что она нашла карту. Кто-то следил за ней.

Она вернулась на кухню и выключила свет. Осталась стоять в темноте, глядя на улицу через щель в шторе. Там было пусто. Только фонари горели тусклым оранжевым светом.

Она не спала в ту ночь.

ГЛАВА 2

Варвара не спала. Она лежала на диване в гостиной, глядя в потолок, и слушала, как за окном шумит ночной город. Где-то лаяла собака, проехала машина с глухим гудением двигателя, потом снова тишина. Она сжимала в руке листок с координатами, и бумага успела нагреться от её ладони, стать влажной. Она знала, что ей нужно встать, выпить воды, принять таблетки, которые ей прописал врач. Но она не могла заставить себя пошевелиться.

В голове крутился голос из телефонной трубки: «Ты ошиблась адресом. Полигон 18 не для тебя». Она прокручивала его снова и снова, пытаясь вспомнить, был ли он мужским или женским, молодым или старым. Но голос был нейтральным, безликим, как у автоответчика. И от этого становилось ещё страшнее.

Она пролежала так до пяти утра, когда небо за окном начало светлеть, и только тогда провалилась в тяжёлый, тревожный сон. Снилось мама. Мама сидела за кухонным столом и пила чай, а Варвара стояла у двери и не могла подойти к ней, потому что между ними была стеклянная стена. Варвара стучала по стеклу, звала маму, но та не оборачивалась. Только в конце сна она повернула голову и улыбнулась той самой тёплой улыбкой, которую Варвара помнила с детства. И тогда Варвара проснулась.

Было уже девять утра. Солнце заливало комнату жёлтым светом. Варвара села на диване, провела рукой по лицу, чувствуя, как опухли глаза. Она встала, прошла на кухню, выпила воды, потом пошла в ванную и умылась холодной водой. Глядя на себя в зеркало, она заметила, что под глазами залегли тени, будто она не спала неделю. Она достала из аптечки таблетки — маленькие белые кружочки, которые ей прописал психиатр после второго ДТП. Она выпила одну, запила водой и постояла у окна, глядя на пустынную утреннюю улицу.

Два ДТП. Одно — когда она была пассажиром. Ей было шестнадцать, мама везла её из школы. Они ехали по трассе, когда встречная машина вылетела на полосу. Водитель был пьян, он даже не затормозил. Удар пришёлся на правую сторону, туда, где сидела Варвара. Мама успела вывернуть руль, так что удар пришёлся в багажник, а не в дверь. Если бы она не успела, Варвара бы погибла. Вместо этого погибла мама. Она умерла на месте, от удара о рулевую колонку. Варвара отделалась переломом ключицы и сотрясением мозга. Она не плакала на похоронах. Она просто сидела и смотрела в одну точку, не в силах пошевелиться. Тогда врачи сказали, что это шок, что это пройдёт.

Не прошло.

Второе ДТП случилось через пять лет. Варвара была за рулём. Она ехала на работу, как вдруг перед ней из переулка выскочила машина. Она нажала на тормоз, но дорога бы-

ла мокрой после дождя, и «Форд» занесло. Она ударилась в столб. Снова сотрясение, снова больница, снова врачи. С тех пор у неё начались провалы в памяти — диссоциативные эпизоды, когда она теряла связь с реальностью, когда мир становился размытым, как будто она смотрела на него через матовое стекло. Она могла забыть, куда положила ключи, могла забыть, о чём говорила пять минут назад, могла просидеть в пустой комнате несколько часов, не понимая, как там оказалась. Иногда она видела вещи, которых не было — тени в углах, фигуры, которые исчезали, когда она поворачивала голову.

И теперь у неё было ещё одно: голос в трубке, человек в архиве, карта с тринадцатым квадратом. Она не могла понять, реально это или нет. Но она знала, что проверять это надо сегодня.

Варвара оделась, взяла сумку и вышла из дома. На улице уже вовсю пекло солнце. Она села в машину и поехала в архив. По дороге она заехала в аптеку — купила ещё одну упаковку таблеток, на всякий случай. Она не хотела, чтобы диссоциативный эпизод застал её врасплох, когда она будет работать с документами.

В архиве было душно, как и вчера. Вентилятор всё так же гнал тёплый воздух, но сегодня он казался ещё менее эффективным. Варвара сняла карту из папки и разложила на столе. Она достала ноутбук и начала проверять каждую папку, каждую коробку, каждый документ, который касался полигона.

Она нашла акты приёмки, отчёты о проведённых учениях, приказы о назначении офицеров, списки личного состава за девяносто шестой год. Но нигде — ни в одном документе — не было упоминания о «Зоне 18». Словно этого квадрата никогда не существовало. Словно кто-то вырезал его из всех архивов.

Варвара проверила реестр ещё раз. Ничего. Она забила в поисковую строку слово «Полигон 18» — ноль результатов. «Полигон 18» — ноль. «Закрыто 1996» — только общие документы о расформировании части, которые датировались девяносто восьмым годом. Ничего конкретного.

Она набрала номер администрации района. Секретарша ответила вялым голосом, уставшим от жары.

— Здравствуйте, — сказала Варвара. — Мне нужна информация о военном полигоне в восьмидесяти километрах от Саратова.

— Каким именно?

— Там была часть, закрытая в девяносто восьмом.

— Я не знаю. Я здесь пять лет работаю, никто о таком не говорил.

— А кто может знать?

— Не знаю. Обратитесь в военкомат.

Варвара положила трубку. Военкомат. Она набрала номер. Долго ждала, пока кто-то ответит. Наконец, мужской голос сказал:

— Слушаю.

— Здравствуйте. Я из городского архива. Мне нужна информация о полигоне, который был закрыт в девяносто восьмом году. Восемьдесят километров от Саратова.

— У нас нет такой информации. Это не наш профиль.

— А чей профиль?

— Я не знаю. Обратитесь в Министерство обороны.

И положил трубку.

Варвара сжала телефон в руке. Министерство обороны. Конечно. Она позвонит в Москву, и ей скажут то же самое — «это не наш профиль», «обратитесь в другое место». Бесконечная бюрократическая петля.

Она посмотрела на карту. Тринадцатый квадрат. Координаты. Она набрала их в навигаторе на телефоне. Точка — в степи, за посёлком Приволжский. Она приблизила изображение. На спутниковом снимке виднелись какие-то развалины, чёрное пятно на земле. Может быть, фундамент. Может быть, вход. Она не знала.

Варвара посмотрела на время. Половина двенадцатого. Если она выедет сейчас, то будет на месте через час. Это недалеко. Она может съездить, посмотреть, вернуться к вечеру.

Она убрала карту в папку, закрыла ноутбук. Встала, потянулась — спина затекла от долгого сидения. Она заперла кабинет, вышла из архива, спустилась по лестнице на улицу. Солнце ударило в глаза, и она прищурилась.

Парковка перед архивом была пустой — только её «Форд»

стоял в тени старого тополя. Она подошла к машине и замерла. На лобовом стекле лежал листок бумаги. Белый, сложенный в несколько раз. Она взяла его, развернула. Бумага была мокрой, как будто её только что вынули из воды. Или как будто на неё упала капля пота. Или дождя. Но дождя не было.

Варвара развернула листок. Там было написано шариковой ручкой, ровным, аккуратным почерком: «Не ездите в Приволжский».

Она стояла и смотрела на эти слова, не в силах пошевелиться. Кто-то был здесь. Кто-то ждал, пока она выйдет. Кто-то знал, что она планирует ехать.

Она оглянулась. Парковка пуста. Только тополь шумел листвою, и ветер гнал пыль по асфальту. Ни одной машины, ни одного человека. Только тишина и жара.

Она сжала записку в кулаке. Бумага хрустнула и промокла от пота на её ладони. Она открыла дверь машины, села на водительское сиденье. Дрожащими руками завела двигатель. Включила кондиционер, хотя знала, что он работает плохо. Холодный воздух пошёл из дефлекторов, но ей было всё равно жарко.

Она посмотрела в зеркало заднего вида и замерла.

В зеркале она увидела его. Мужчина из архива. Он стоял на краю парковки, в тени тополя, сложив руки на груди. Смотрел на неё. Не двигался. Просто стоял и смотрел.

Варвара почувствовала, как кровь прилила к лицу, а по-

том отхлынула, оставляя холод. Она не слышала, как он подошёл. Она не слышала шагов. Он просто появился там, где его не было секунду назад.

Она вдавила педаль газа в пол. Машина рванула с места, взвизгнув шинами. Она вылетела с парковки, повернула на Московскую и поехала в сторону трассы. Всю дорогу она смотрела в зеркало заднего вида. Машин сзади было немного, но ни одна из них не была чёрной, и ни одна не повторяла её манёвры. Она выдохнула, но напряжение не ушло.

Она выехала за город. Степь расстилалась перед ней — бесконечная, жёлтая, выжженная солнцем. Дорога была пустой, только изредка попадались грузовики, которые шли в противоположную сторону. Варвара смотрела на навигатор — до Приволжского оставалось сорок километров.

Она думала о записке. О мужчине. О карте. Она не могла понять, что происходит. Кто-то следил за ней. Кто-то знал, что она нашла тринадцатый квадрат. Кто-то не хотел, чтобы она туда ехала.

Но именно поэтому она ехала.

Варвара знала, что это может быть опасно. Она знала, что у неё диссоциация, что иногда она путает реальность и воображение. Но сейчас она была абсолютно уверена: записка была настоящей. Мужчина был настоящим. Она не выдумала их.

Она въехала в Приволжский около часа дня. Посёлок оказался маленьким — одна улица, несколько деревянных до-

мов с облупившейся краской, магазин с вывеской «Продукты», написанной от руки. Ни души на улице — все прятались от жары внутри домов. Варвара остановилась у магазина, вышла из машины и зашла внутрь.

Внутри было прохладно и темно. Пахло хлебом и мылом. За прилавком сидела женщина лет пятидесяти, с уставшим лицом и седыми волосами, собранными в пучок. Она лениво листала журнал.

— Здравствуйте, — сказала Варвара. — Я из Саратова, из архива. Мне нужна информация о полигоне, который находится рядом с посёлком. Военный полигон.

Женщина подняла на неё глаза. Взгляд был настороженным, почти враждебным.

— Какой полигон?

— Восемьдесят километров от Саратова. Там была часть. Закрыли в девяносто восьмом.

Женщина помолчала. Потом медленно закрыла журнал и положила его на прилавок.

— Не надо туда ездить, — сказала она.

— Почему?

— Там ничего нет. Пусто. Только степь.

Варвара заметила, как дрогнул голос женщины. Она боялась. Что-то знала, но боялась говорить.

— Я ищу информацию о солдатах, которые там служили, — сказала Варвара. — В девяносто шестом году. Там пропадали люди.

Женщина побледнела. Она сжала руки в замок, и костяшки пальцев побелели.

— Я ничего не знаю, — сказала она. — Поезжайте домой. Забудьте.

Она замолчала, потом как будто что-то вспомнила.

— На Степной, дом семь, живёт старуха. Её сын служил там. Она всё знает. Но я не говорила вам об этом.

Варвара кивнула, поблагодарила и вышла из магазина. На улице она остановилась, глядя на пустую дорогу. Степная, дом семь. Она снова села в машину и поехала по указанному адресу.

Она не заметила чёрную «Ниву», которая стояла в тени у въезда в посёлок. И человека в ней, который смотрел ей вслед.

ГЛАВА 3

Дорога от магазина до улицы Степной заняла не больше трёх минут. Приволжский был маленьким посёлком — одна центральная улица, от которой отходило несколько переулков, застроенных старыми деревянными домами. Заборы покосились, краска на ставнях облупилась, и только кое-где виднелись свежие следы ремонта. Варвара припарковалась напротив дома с табличкой «Степная, 7». Дом был таким же старым, как и все остальные, — бревенчатый, с тёмной крышей и резными наличниками. Калитка была открыта, хотя ветра не было — она просто стояла, приоткрытая, как будто ждала гостей.

Варвара выключила двигатель и посидела минуту в тишине, собираясь с мыслями. Жара стояла невыносимая — даже в машине, с открытыми окнами, воздух был тяжёлым и сухим. Она вытерла ладони о джинсы и вышла. Степной воздух ударил в лицо, неся запахи сухой травы и пыли. Где-то вдалеке стрекотали кузнечики, монотонно и успокаивающе, но в этом звуке чувствовалось что-то напряжённое, предостерегающее.

Она подошла к калитке и толкнула её. Металлическая калитка скрипнула, но поддалась. Двор был запущенным — трава доходила до колен, старые качели ржавели на цепи, под ними валялся детский велосипед без колёс. В доме было ти-

хо. Варвара подошла к двери и постучала костяшками пальцев по деревянной раме. Древесина была тёплой от солнца. Никто не ответил.

Она постучала снова. Тишина. Только мухи гудели над клумбой у крыльца.

Варвара толкнула дверь. Она приоткрылась, издав протяжный скрип — кто-то оставил её не запертой. Она заглянула внутрь. В прихожей было темно и пахло сыростью и старой древесиной. Она шагнула через порог, придерживая рукой косяк, стараясь не шуметь. Половицы скрипели под её ногами.

В комнате, в которую вела узкая прихожая, было ещё темнее. Занавески были задёрнуты, и свет едва просачивался сквозь щели между ними. Варвара остановилась на пороге, привыкая к полумраку. В комнате пахло лекарствами — тем специфическим запахом, который бывает в домах пожилых людей: валидол, нашатырь, старые таблетки, застоявшийся воздух.

В углу, в старом кресле с облупившейся деревянной ручкой, сидела старуха. Она была очень маленькой и худой, словно время высушило её, оставив только кожу и кости. Седая, с редкими волосами, собранными в пучок. Она сидела неподвижно, прижимая к груди старую потёртую фотографию. Её глаза были открыты и устремлены куда-то в пустоту, но она не смотрела на Варвару.

— Здравствуйте, — тихо сказала Варвара.

Старуха повернула голову. Медленно, как будто каждое движение давалось ей с трудом. Она посмотрела на Варвару, и в её глазах блеснули слёзы.

— Они убили моего сына, — сказала она голосом, похожим на скрип старой двери. — Тридцать лет назад. А теперь пришли за мной.

Варвара сделала шаг вперёд. Она не знала, что ответить. Такие слова не требовали ответа — они были не вопросом, а констатацией факта. Она подошла ближе и села на край ветхого стула, стоящего рядом.

— Меня зовут Варвара, — сказала она. — Я из архива. Я ищу информацию о полигоне. О солдатах, которые там служили.

Старуха смотрела на неё пустым взглядом, и казалось, не слышала. Потом она медленно поднесла фотографию к лицу и поцеловала её. На снимке был молодой парень в военной форме, лет девятнадцати-двадцати, с улыбкой на лице и светлыми волосами.

— Серёжа, — прошептала она. — Мой Серёжа. Он был таким молодым. Он не хотел идти в армию, но его забрали. Он обещал писать. Он писал месяц, а потом письма перестали приходить. Мне сказали, что он дезертировал. Что он сбежал. Но я знаю, что он не сбежал. Он не мог. Он никогда не бросил бы меня.

Голос старухи дрогнул. Она замолчала, глядя на фотографию, и слёзы потекли по её морщинистым щекам.

— Вы знаете, что с ним случилось? — спросила Варвара. Старуха покачала головой.

— Никто не говорил. Никто не знал. Я ходила по инстанциям, писала письма. Мне отвечали одно и то же — «дезертир», «пропал без вести», «неизвестно». Но я знала. Я всегда знала. Он не сбежал. Его убили. Я не знаю, кто и зачем. Но я знаю, что мой мальчик не дезертир.

Она говорила это, сжимая фотографию, и её руки дрожали. Варвара сидела неподвижно, слушая этот тихий, надломленный голос. Она вспомнила свою маму — как та сжимала её руку, когда лежала в больнице после первого ДТП. Она вспомнила этот взгляд, полный боли и любви одновременно. Ей стало тяжело дышать.

— У меня есть дневник, — вдруг сказала старуха. — Он нашёл его в вещах Серёжи. Когда его вещи прислали домой.

Она указала дрожащей рукой на старый комод в углу комнаты. Варвара встала и подошла к нему. Ящик открылся с трудом, заскрипев. Внутри лежали старые вещи: несколько рубашек, потёртый ремень, солдатский жетон. И тетрадь. Тонкая, в обложке из потёртого картона, с выцветшими чернильными надписями на страницах. Она взяла её в руки.

— Вы можете взять её, — сказала старуха. — Вы должны прочитать её. Там всё написано. Что они делали с ними. Какие уколы они делали. Как они умирали.

Варвара открыла тетрадь. На первой странице было написано: «Меня зовут Сергей Кравцов. Я солдат. Мне двадцать

лет. Я не знаю, где я нахожусь. Я пишу это, чтобы кто-нибудь узнал правду».

Она закрыла тетрадь и крепко прижала её к груди.

— Спасибо вам, — тихо сказала Варвара.

Старуха не ответила. Она смотрела на фотографию. Потом подняла глаза на Варвару, и в них мелькнул испуг.

— Они пришли, — прошептала она. — Я видела их. Они ходят вокруг дома. Они ждут, пока я умру. Тогда они заберут всё. Всё, что я знаю.

Варвара хотела спросить, кто именно «они», как вдруг старуха замерла. Её взгляд устремился куда-то за спину Варвары. Зрачки расширились, лицо побледнело. Она открыла рот, но не издала ни звука.

Варвара обернулась.

В окне мелькнула тень. Чья-то фигура, смазанная и неясная, проскользнула за стеклом. Варвара вскочила, почувствовав, как внутри всё сжалось от страха. Она подбежала к окну, выглянула наружу.

Никого. Только пустой двор, заросший травой, и калитка, которая по-прежнему стояла приоткрытой. Солнце светило ярко, и тени не было. Всё было неподвижно.

Она повернулась к старухе. Та сидела в кресле, не двигаясь. Её глаза были открыты, но смотрели в пустоту. Она тяжело дышала, прижимая руки к груди.

— Кто там был? — спросила Варвара.

Старуха не ответила. Она смотрела на дверь, ведущую в

прихожую, и молчала. Варвара подошла к старухе и опустилась перед ней на колени. Она взяла её руки в свои. Кожа была холодной и сухой, как пергамент.

— Скажите мне, кто это был, — попросила она. — Если вы знаете, скажите. Я могу помочь.

Старуха медленно повернула голову и посмотрела на неё. В её взгляде смешались страх и безнадёжность.

— Ты не сможешь, — сказала она. — Никто не поможет. Ты тоже в опасности. Они знают, что ты здесь. Они знают всё.

Она снова посмотрела на дверь, будто ожидала, что кто-то войдёт.

— Ты должна уйти, — прошептала она. — Забери дневник. Спрячь его. И никогда никому не говори, где ты его взяла. Если они узнают, они убьют тебя. Так же, как убили моего сына.

Варвара сжала тетрадь в руках. Она чувствовала, как внутри нарастает волна паники. Знакомое чувство отстранённости начинало накрывать её — будто она смотрела на себя со стороны, будто всё происходящее было сном. Она заставила себя глубоко вдохнуть, сфокусироваться на запахе лекарств, на ощущении старого ковра под ногами. Ей нужно было оставаться здесь, в реальности. Она не могла позволить себе провал.

— Я уйду, — сказала она. — Но скажите мне ещё одно. Кто они?

Старуха покачала головой.

— Я не знаю их имён. Я не знаю, кто они. Я видела только их тени. Они приходили ночью. Стучали в окна. Я никому не открывала. Но они не уходили. Они ждали. Ждали, когда я умру. И теперь они пришли. Они здесь.

Варвара поднялась. Она чувствовала, что должна уйти. Каждая секунда, проведённая в этом доме, наполняла её тревогой. Она сжала дневник в руках, словно это был талисман, способный защитить её.

— Я вернусь, — сказала она. — Я узнаю правду. Я обещаю вам.

Старуха не ответила. Она снова смотрела на фотографию и что-то шептала одними губами. Варвара вышла из комнаты, прошла через прихожую и вышла на крыльцо. Солнце ударило в глаза, и она зажмурилась. Стоя на крыльце, она на мгновение остановилась, чтобы перевести дыхание, и заметила движение у калитки. Там стояла «Нива». Чёрная, как та, что она видела раньше. Она стояла и смотрела на неё, и Варвара снова почувствовала этот холодный ужас, который пронзал её, когда она сталкивалась с чем-то необъяснимым.

Машина стояла в тени тополя, и её номерной знак был забрызган грязью, так что разобрать его было невозможно. Из-за тонированных стёкол нельзя было понять, есть ли внутри кто-то. Варвара замерла, сжимая дневник в руке. Она чувствовала, что кто-то смотрит на неё. Она не знала, кто это был, но знала — они ждали её.

Она вышла за калитку и быстро пошла к своей машине. Всё время она держала «Ниву» в поле зрения. Машина не двигалась. Она просто стояла на месте, будто ждала.

Варвара села за руль и завела двигатель, не сводя глаз с чёрной «Нивы». Она медленно выехала на дорогу и поехала к выезду из посёлка. Всю дорогу она смотрела в зеркало заднего вида, ожидая, что «Нива» последует за ней. Но машина осталась на месте, стоя у дома старухи.

Варвара сжала руль и выдохнула.

Она не знала, кто был в той машине. Но она знала, что это было предупреждение. И она должна была решить, как на него ответить.

Она выехала из Приволжского и направилась в сторону города. Впереди расстилалась степь. Жара стояла невыносимая. И где-то там, впереди, ждал её полигон.

Дневник лежал на пассажирском сиденье. Она смотрела на него краем глаза и не могла отвести взгляд.

ГЛАВА 4

Варвара стояла на крыльце, глядя на пустую дорогу, и чувствовала, как внутри нарастает холод. Чёрная «Нива» исчезла так же внезапно, как и появилась — словно её и не было. Только пыль, поднятая колёсами, медленно оседала на сухую траву у обочины. Варвара перевела дыхание и снова вошла в дом.

Внутри было темно и душно. Запах лекарств стал сильнее, смешиваясь с запахом старой пыли и нагретого солнцем дерева. Старуха сидела в кресле и смотрела на фотографию, которую держала в руках. Её пальцы дрожали, но она не поднимала головы, когда Варвара вошла. Только когда Варвара села на тот же стул напротив, старуха медленно подняла глаза и посмотрела на неё.

— Ты вернулась, — сказала она без удивления. — Я знала, что ты вернёшься. Ты не похожа на тех, кто уходит, когда им говорят.

Варвара не знала, что ответить. Она просто сидела и смотрела на старуху, которая казалась такой хрупкой и беззащитной в этом тёмном доме.

— Вы говорили, что знаете, что случилось с вашим сыном, — сказала Варвара. — Расскажите мне.

Старуха вздохнула и закрыла глаза, будто собиралась с силами. Когда она заговорила, её голос был тихим, но ров-

ным — она рассказывала эту историю уже много раз, должно быть, самой себе, в долгие одинокие ночи.

— Его звали Сергей, — сказала она. — Он был моим единственным сыном. Ушёл в армию в девяносто пятом. Ему было девятнадцать. Он не хотел служить, но повестка пришла, и он пошёл. Он всегда был послушным. Слишком послушным.

Она замолчала, поглаживая фотографию кончиками пальцев.

— Он писал мне письма каждый месяц. Рассказывал про службу, про товарищей, про то, как тяжело жить в казарме. А потом письма перестали приходить. Я звонила в часть, мне отвечали — «не знаем», «переведён», «в командировке». Я не верила. Я поехала сама. В часть.

— И что вам сказали? — спросила Варвара.

— Что он дезертировал. Что сбежал с двумя другими солдатами. Что объявлен в розыск. Я не поверила. Я знала своего сына. Он никогда бы не сбежал. Он всегда говорил, что хочет вернуться домой, что мечтает о гражданской жизни, но он бы не сбежал. Он знал, что это позор. Что меня это убьёт.

Старуха снова замолчала, и её руки задрожали сильнее.

— Я искала его тридцать лет, — сказала она. — Я ходила по инстанциям, писала письма, нанимала частных детективов. Мне говорили, что я сошла с ума, что я не могу смириться с правдой. Но я знала. Я всегда знала, что он не дезертир.

— И вы нашли что-то? — спросила Варвара.

Старуха кивнула и указала на старый комод в углу комнаты. Её рука дрожала, и она с трудом удерживала фотографию.

— Открой нижний ящик, — сказала она.

Варвара встала и подошла к комоду. Деревянные ящики скрипели, когда она тянула их на себя. Внутри лежали старые вещи: несколько рубашек, потёртый ремень, старый солдатский жетон с выцветшей гравировкой. Она взяла его в руки и перевернула. На обратной стороне была гравировка: «Кравцов С. 12-96-КС». Она замерла. Номер «12». Тот же номер, что был в прологе. Тот самый.

— Это жетон Сергея, — сказала она.

Старуха кивнула.

— Да. Мне прислали его вместе с его вещами после того, как объявили дезертиром. Сказали, что он оставил всё в казарме. Но он бы не оставил жетон. Он всегда носил его. Он говорил, что это его талисман. Он бы не снял его, если бы уходил добровольно.

Варвара сжала жетон в ладони. Металл был холодным, несмотря на жару, и она чувствовала его тяжесть, как будто в нём было что-то большее, чем просто кусок металла.

— Вы сказали, что нашли дневник, — напомнила она. — Где он?

Старуха указала на комод снова.

— Там же. В том же ящике. Он лежал под рубашками.

Варвара снова открыла ящик и раздвинула старую одежду. На дне, завёрнутая в кусок потёртой ткани, лежала тетрадь. Тонкая, в картонной обложке, с выцветшими чернильными надписями на страницах. Она взяла её в руки, чувствуя, как внутри всё сжимается. Тетрадь пахла пылью и старым деревом.

— Вы читали её? — спросила она.

Старуха покачала головой.

— Я не смогла. Я открыла её, посмотрела на первые страницы и закрыла. Я не хотела знать, что с ним случилось. Я хотела верить, что он жив, что он когда-нибудь вернётся. Но теперь, когда прошло столько лет, я поняла — он не вернётся. И я должна знать правду.

Варвара держала тетрадь в руках, чувствуя, как дрожат пальцы. Она смотрела на пожелтевшие страницы, на обложку, на которой было написано от руки — «Дневник. Кравцов С.А. 1996». Год. Тот же год, что был указан на карте. Тот же год, когда закрылась «Полигон 18». Всё сходилось.

— Они убьют меня, если узнают, — вдруг сказала старуха.

Варвара подняла глаза. Старуха смотрела на неё с таким страхом, что у неё внутри всё перевернулось.

— Кто? — спросила она. — Кто убьёт вас?

Старуха молчала. Она качала головой, и слёзы снова потекли по её морщинистым щекам.

— Я не знаю их имён, — прошептала она. — Я не знаю, кто они. Но они приходили. Они всегда приходили. Они сле-

дили за мной. Они хотели забрать дневник. Они хотели уничтожить его. Но я прятала его. Я никому не говорила о нём. И теперь ты знаешь.

Варвара посмотрела на тетрадь. Она чувствовала, что держит в руках что-то важное. Что-то, что могло изменить всё.

— Почему вы отдаёте его мне? — спросила она. — Вы не знаете меня. Я могла бы быть одной из них.

Старуха покачала головой.

— Ты не похожа на них. У тебя глаза добрые, как у моего Серёжи. И ты ищешь правду. Я всегда знала, что придёт кто-то, кто захочет узнать правду. Кто-то, кто не побоится.

Варвара открыла тетрадь. Страницы были исписаны мелким, нервным почерком. На первой странице она прочитала: «Меня зовут Сергей Кравцов. Я солдат. Мне двадцать лет. Я не знаю, где я нахожусь. Я пишу это, чтобы кто-нибудь узнал правду».

Она перевернула страницу. Дальше было написано:

«Я не дезертир. Меня прячут. Они делают с нами что-то. Я не знаю, что. Мы не можем выйти. Нас держат в белых комнатах. Я вижу номера. У меня на руке — 18-7. У Максима — 12. У Алексея — 4. Я не знаю, что это. Но я боюсь».

Варвара подняла глаза. Её сердце билось быстрее. Она хотела спросить старуху, что она знает об этих номерах, но старуха сидела неподвижно. Её глаза были открыты, но она

смотрела в пустоту. Она не дышала.

Варвара замерла. Она почувствовала, как кровь прилила к лицу, а потом отхлынула, оставляя холод. Она встала, подошла к старухе, коснулась её руки. Кожа была холодной. Она проверила пульс — никакого биения.

Старуха была мертва.

Варвара отшатнулась. Она смотрела на старуху, которая сидела в кресле с фотографией в руках, и не могла поверить. Она была жива пять минут назад. Она говорила с ней. Она отдала ей дневник. А теперь она просто сидела, уставившись в пустоту, с застывшим выражением лица.

Варвара не слышала, как она умерла. Не видела, как она вздрогнула или закрыла глаза. Она просто перестала дышать.

Она сжала дневник в руках и попятилась к двери. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, сейчас выпрыгнет из груди. Она чувствовала, как страх сжимает горло, не давая дышать. Она хотела позвонить в скорую, но не могла. Не могла пошевелиться.

Она стояла в дверях, глядя на старуху, которая сидела в кресле и держала фотографию сына. В этом было что-то жуткое, неправильное. Что-то, что не поддавалось объяснению.

Варвара вышла на крыльцо. Внутри всё дрожало. Она села на ступеньку, сжимая дневник в руках. Она не знала, что делать. Она не знала, кто убил старуху. Она не знала, умрёт ли она сама, если останется здесь. Она только знала одно: она должна уехать. Немедленно.

Она поднялась и пошла к машине. Её ноги не слушались. Дневник был в её руках, холодный и тяжёлый. Когда она селась за руль, она увидела в зеркале заднего вида дом старухи. На крыльце никого не было. Только дверь, которая всё ещё была приоткрыта.

Она завела двигатель и выехала на дорогу. Всю дорогу она сжимала дневник в одной руке, не в силах выпустить его. Она знала, что внутри — правда. Что-то, что изменит всё.

И она боялась открыть его снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.